

УДК 327(73:5-091)

DOI: 10.31857/S2686673025030062

EDN: CJRWQS

Политика США по построению сетевого региона в тихоокеанском пространстве

В.Е. Болдырев

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук.*

690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89.

РИНЦ ID: 627126 ORCID: 0000-0002-2354-8197 e-mail: boldyrev89@list.ru

---

Резюме. В статье тихоокеанская политика США проанализирована в соответствии с понятием сети. Основами для соответствующего курса выступили, с одной стороны, системные условия Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), препятствовавшие построению всеобъемлющих интеграционных структур, с другой стороны, итоги политики Дж. Буша-младшего, при котором в регионе сложились три сети с американским участием: переговоры о Транстихоокеанском партнёрстве (ТТП), сеть американских квази-альянсов и шестисторонние переговоры, касавшихся ядерной проблемы Корейского полуострова. Тем самым были заложены рамки для тихоокеанской политики Б. Обамы. Её результаты свидетельствовали, что разреженная сеть квазиальянсов с ограниченным числом узлов наиболее жизнеспособна. Как следствие, при Д. Трампе сохранилась только она, а при Дж. Байдене была усовершенствована. Эта модернизация предполагала включение в тихоокеанские форматы внерегиональных участников, более тесную интеграцию военно-политических союзов и партнёрств за счёт частично совпадающей повестки, формирование сети многосторонних форматов, объединённых разными аспектами кибернетической повестки, придание формату Четырёхстороннего диалога по безопасности (*Quadrilateral Security Dialogue, Quad*) и военно-политическому сотрудничеству США, Японии и РК роли сетевых скреп сети взаимодействий на тихоокеанском пространстве, отвечающих американским интересам.

Ключевые слова: США, внешняя политика, Тихий океан, сеть, Транстихоокеанское партнёрство, Квад, «четвёрка», Япония, Республика Корея, безопасность.

Для цитирования: Болдырев В.Е. Политика США по построению сетевого региона в тихоокеанском пространстве. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2025; 55(3):72–85. DOI: 10.31857/S2686673025030062 EDN: CJRWQS

US Policy for Building a Networked Region in the Pacific

Vitalii E. Boldyrev

*Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of Far Eastern Branch
of the Russian Academy of Sciences.*

89 Pushkinskaya str., Vladivostok, 690001, Russian Federation.

РИНЦ ID: 627126 ORCID: 0000-0002-2354-8197 e-mail: boldyrev89@list.ru

---

Abstract. In the paper, US Pacific policy is analyzed through the concept of a “network”. On the one hand, systemic conditions which prevented the emergence of comprehensive integrational

structures, and on the other hand, the results of George W. Bush's policy served as foundations for such a course. By the end of 2008, three networks with US participation had formed: the Trans-Pacific Partnership, the American alliances network and the six-party talks devoted to the nuclear issue of the Korean Peninsula. All of them served as a framework for Barck Obama's Pacific policy. Its results demonstrated that a sparse network of security allies and partners with a limited number of nodes appeared was the most viable. As a consequence, this network was the only one maintained by Donald Trump and modernized by Joseph Biden. The modernization involved inclusion of non-regional actors into Pacific formats, closer integration of alliances and security partnerships through a partially corresponding agenda, the formation of multilateral partnership network based on a flexible cyber agenda, and assigning the role of network braces to the Quad and the trilateral US – Japan – ROK military and security partnership.

Keywords: USA, foreign policy, Pacific Ocean, network, Trans-Pacific Partnership, Quad, Japan, Republic of Korea, security.

For citation: Boldyrev, V.E. US Policy for Building a Networked Region in the Pacific.

USA & Canada: Economics, Politics, Culture. 2025; 55 (3): 72–85.

DOI: 10.31857/S2686673025030062   EDN: CJRWQS

ВВЕДЕНИЕ

Современное состояние отечественной американистики позволяет говорить о существовании двух пониманий сети, в соответствии с которыми регион можно охарактеризовать сетевым в контексте внешней политики.

Первое такое понимание обнаруживает связи с одним из положений истории повседневности. В соответствии с ним метафорой социальных отношений являлись силовые поля или множество сетей, в центре которых стоял тот или иной человек. При этом он мог быть одновременно и центром своего силового поля, и рядовым элементом других полей. В зависимости от проблемного и ситуационного контекстов множество таких сетей объединялось в некоторые кратко- или долгосрочные конфигурации [Людтке, 2010: 63–64].

Среди американистов на необходимость воспринимать государства как отдельных участников международно-политических (социальных по своей сути) отношений, подобно людям, впервые указал А.Н. Никитин [Никитин, 1987: 88].

В то же время существуют и иные методологические основания, позволяющие понимать регион как сеть, а внешнюю политику – как усилия по её построению. Наиболее ранним из них стало определение международно-политического региона (МПР), данное В.И. Гантманом и Е.М. Примаковым [Основы, 2022: 221–225]. Здесь ценно представляют следующие аспекты. Во-первых, структура МПР задаётся уровнями отношений – глобальным, региональным, субрегиональным, ситуационным, групповым, двусторонним – которые указывают на значимость, широту или ограниченность того или иного внешнеполитического вектора. В то же время положение в регионе формируется состоянием функциональных подсистем, международными проблемами, пересечением связей многочисленных двусторонних отношений и историческим развитием стран. На этом фундаменте формируется множество многосторонних групп. Регион предстаёт не целостной единицей анализа, а разделённой на сегменты, которые частично перекрывают

друг друга и связаны между собой. При этом критерии, в соответствии с которыми формируются эти сегменты, не только отличны, но и постоянно возникают, трансформируются, исчезают, а узлами их связей остаются государства.

Д.А. Дегтерев и М.А. Никулин, анализируя отношения между США и Китаем, дополнили это понимание сети понятием слоистости, которое развивает определение международно-политического региона В.И. Гантмана – Е.М. Примакова [Основы, 2022: 221–225] и достижения советского глобального моделирования [Геловани, Бритков, Дубовский, 2009]. Фактически они предлагают понимать взаимодействие государств как множество сетей, каждая из которых локализована в определённой подсистеме, при этом состояние отношений может выражаться как количественными показателями, так и качественным их пониманием каждой из сторон [Конкуренция, 2024: 38–77].

Таким образом, поскольку регион лишён постоянства и стабильности, и внешняя политика государства в его отношении будет лишена целостности в том смысле, в каком будет представлять собой совокупность функциональных, проблемных, географических, ситуативных и иных полей, в каждом из которых государство будет стремиться построить сеть своих сторонников. При этом создание сетей ограничено собственно политикой государства и средой, в которой она реализуется.

ТИХООКЕАНСКАЯ ПОЛИТИКА ПРИ ДЖ. БУШЕ-МЛАДШЕМ: КОНТУРЫ СЕТИ

Тихоокеанская политика Соединённых Штатов после окончания холодной войны определялась в первую очередь их способностью быть частью региона. В качестве его фундаментальных характеристик выделяют следующие.

А.Д. Богатуров [Богатуров, 1997: 214–218] и А.А. Бреславец [Бреславец, 2007: 98–106] отводят ключевую роль экономической сфере. Это стало следствием концентрации ведущих экономических центров мира и роста новых индустриальных стран, который стал возможен благодаря тому, что стороны искали бесконфликтную опору для своих отношений и делали акцент на технологическое развитие. На общерегиональном уровне это привело к тому, что на основе пришедших из США идей экономического либерализма стали создаваться многосторонние экономические форматы, заключаться двусторонние соглашения о свободной торговле, а также широкое распространение получил вынос производств в страны региона.

В то же время ослабление значимости военно-политической сферы взаимодействия не означало её вытеснения на периферию. В постбиполярный период не только сохранились проблемы жёсткой безопасности, но и началась секьюритизация нетрадиционных проблем. [Nameiri, Jayasuriya, 2011].

Это было связано с тем, что США сохранили двусторонние и трёхсторонние военно-политические форматы периода холодной войны, а вместе с ними – своё превосходство в регионе, из-за чего другие страны были вынуждены действовать с оглядкой на Вашингтон [Satake, Hemmings, 2018]. Кроме того, сфера

безопасности в АТР характеризовалась сравнительной нестабильностью, которая, как следует из исследования Ю.А. Дубинина, проистекает из политического кризиса, способного поразить как многосторонние форматы, так и двусторонние отношения. При этом причина кризиса могла крыться во внутреннем положении одной из стран или разногласиях между несколькими странами или в международной ситуации [Дубинин, 2012: 149–156].

В этих условиях была вынуждена действовать администрация Дж. Буша-младшего, когда в середине 2000-х годов после череды войн на Ближнем и Среднем Востоке США вновь повернулись к Тихому океану и Восточной Азии. В экономической сфере администрация, с одной стороны, продолжила линию на превращение АТЭС в центр региональной экономической архитектуры, основанной на принципах американского либерализма и соответствующей интересам Вашингтона, которую начал ещё У. Клинтон. В то же время нельзя не заметить, что к этому времени АТЭС приобретала дискуссионную и переговорную функцию, поддерживая жизнеспособность идей свободной торговли и экономического либерализма.

С другой стороны, администрация Дж. Буша-младшего стала формировать сеть двусторонних соглашений о свободной торговле (ССТ) со странами региона, каждое из которых обладало особыми параметрами. Например, ключевой особенностью американо-австралийского ССТ стала оговорка об ограничении австралийского экспорта сахара в США как доминантной статьи, а в случае соглашения Соединённых Штатов и Перу последние брали на себя обязательства о защите авторских прав, прежде всего разработчиков и изобретателей, согласившись добровольно вводить экспортные ограничения в отношении собственных производителей в том случае, если американские могли доказать первенство в разработке аналогичного продукта (Приводится по: [5; 20]).

В условиях наличия этих двух векторов внешнеэкономической политики Дж. Буша-младшего усматривается противоречие: с одной стороны, существовала многосторонняя площадка, которая носила дискуссионный характер, пропагандировала либеральные отношения, с другой – подписывались двусторонние ССТ, чьи положения соответствовали американским интересам и взглядам на либерализм, но были обязательными для исполнения, хотя и не являлись унифицированными. Выходом из этой ситуации стало присоединение США к Транстихоокеанскому партнёрству в ноябре 2008 года: молодое, формировавшееся на тот момент экономическое объединение позволяло США в перспективе построить прочную сеть экономических отношений на Тихом океане на унифицированном фундаменте.

В области безопасности Дж. Буш-младший был вынужден действовать в соответствии со сложившимися региональными условиями. Даже создание формата *Quad* в 2006 году, по оценкам экспертов, существенно не изменило положение. В качестве основы региональной архитектуры стали американские трёхсторонние квазиальянсы, опыт которых впервые был апробирован в 1980-х годах в отношении Японии и Республики Корея. Причина распространения этой формы взаимодействия заключалась в том, что американские союзники придерживались

разных пониманий международных ситуаций, средств и целей политики с ними связанных [Sakaki, Nishino, 2018].

Наконец, при Дж. Буше-младшем были запущены шестисторонние переговоры по ядерной проблеме Корейского полуострова, которые охватили все страны Северо-Восточной Азии (СВА) и США, став фактически первым относительно явным форматом, объединившим все страны региона, который в плане многосторонней организации остаётся слабым звеном АТР.

Результатом правления 43-го президента стало то, что тихоокеанская политика США подразумевала построение плотной сети участников либеральных торгово-экономических отношений, придерживающихся общего свода норм, создание сети «альянсов-треугольников» в военно-политической сфере, а также вовлечение в многосторонний ситуационный формат, который, сообразно прежнему азиатско-тихоокеанскому опыту, не был застрахован от кризиса и последующего распада или фрагментации.

ТИХООКЕАНСКАЯ ПОЛИТИКА Б. ОБАМЫ

В соответствии с итогами правления предшественника Б. Обама строил сетевую архитектуру региона в трёх плоскостях: торгово-экономической, военно-политической и в рамках обсуждения ядерной проблемы Корейского полуострова. В последней, впрочем, сеть оказалась уязвима, так как США оказались единственной страной, связывающей воедино остальных её участников.

В первой из перечисленных плоскостей центром политики стали переговоры о ТТП, в ходе которых Соединённые Штаты стремились занять центральное место. Как следует из официальных пояснений администрации Б. Обамы и американской торговой статистики, Вашингтон сделал выбор в пользу двух факторов: формирования прочных экспортных потоков и настройки сети отраслевых кооперационно-бытовых цепочек, в центре которых оказались бы Соединённые Штаты.

Администрация 44-го президента рассчитывала усилить роль экспортных потоков двумя способами. Первый заключался в том, чтобы укрепить в торговле с АТР позиции тех штатов, производства которых были сильно связаны с экспортными поставками в регион (от 41% до 88% экспортных поставок по состоянию на 2009 год приходилось на АТР), а к важнейшим их статьям относились электроника, транспорт, машины и оборудование [21]. Главным инструментом здесь стали презентации штатов в ходе переговоров о ТТП с целью продемонстрировать их потенциал для зарубежных делегаций, а также вовлечь представителей штатов в переговорный процесс.

Второй способ заключался в том, чтобы соглашение позволяло существенно снизить пошлины для отраслей, наиболее значимых для американского экспорта в АТР. По итогам переговоров Вашингтону удалось добиться отмены 70% налогов и пошлин для производителей электроники, 59% – для машиностроительной отрасли, 40% – для птицеводства и производства фруктов, 35% – для соеводства и информационной отрасли [3]. Этими мерами правительство стремилось открыть доступ на азиатско-тихоокеанский рынок не только для крупных корпораций, но

и для малого и среднего бизнеса, на который приходилось 98% участников внешнеэкономической деятельности, но только 5% её объёма [3].

Иными словами, администрация Б. Обамы стремилась построить в АТР многослойную сеть торгово-экономических отношений, которая отражала бы интересы отраслей, корпораций, малого и среднего бизнеса.

Подписание Соглашения о ТПП создавало видимость того, что Вашингтону удалось сформировать единую региональную сеть торгово-экономических отношений. Однако комментарии, данные правительством Новой Зеландии, страны-депозитария, указывали на то, что при широкой либерализации товарных рынков за правительствами стран-участниц сохранялось право прямо использовать положения национальных законодательств, регулирующих и ограничивающих деятельность компаний на рынке услуг [15].

Соглашение предусматривало и переходный период для адаптации национальных рынков. Рельефнее всего этот аспект продемонстрировал пример Японии, традиционно стремящейся максимально защитить национальных производителей. Для автомобильного рынка был установлен переходный период в один год [9]. В области сельского хозяйства Токио получил право регулировать импорт товаров за счёт ограничения объёмов в течение 10–19 лет и с помощью тарифов в течение 8–15 лет в зависимости от конкретной статьи [10]. Импорт древесины и продуктов деревообработки должен был регулироваться в течение 10–15 лет посредством квот [11].

Наконец, торговля отдельными товарами регулировалась обменом письмами между ведомствами двух стран. Например, в случае с текстилем Вьетнам и Бруней воздержались от обязательств по внедрению производственных стандартов, соответствовавших американским [1; 23].

Эти исключения свидетельствовали, что многослойную, унифицированную сеть с США в центре построить было невозможно. Сохранённое пространство для применения национального регулирования, неравномерность и долгосрочность переходных периодов для национальных отраслевых рынков, отсутствие в ряде случаев чётко прописанных обязательств фрагментировали единую сеть, заранее снижая эффективность соглашения. Как представляется, это стало одной из основных причин, почему Б. Обама уклонился от активных призывов ратифицировать Соглашение о ТПП, а Д. Трамп и вовсе отозвал подпись США.

Другим направлением внешней политики, в рамках которого Б. Обама стремился придать сетевой характер отношениям с другими странами, было военно-политическое. Ключевым союзником США на Тихом океане оставалась Япония. Курс в этом случае определялся наследием биполярного противостояния и тенденциями к секьюритизации проблем в АТР. С учётом этого положения, ключевым форматом для поддержания и развития отношений стали встречи глав внешнеполитических и военных ведомств двух стран «2+2». В ходе первой такой встречи в феврале 2010 года, наряду с традиционными проблемами сотрудничества и противодействия региональным угрозам, стороны обсуждали партнёрство, касавшееся киберпространства, защиты информации и космоса [17]. Логическим развитием этого обсуждения стал запуск в 2011–2013 годах отдельных

межправительственных диалогов с целью развить сотрудничество в кибернетической и космической областях. Впоследствии число таких функциональных диалогов увеличилось, и они дополнили формат «2+2», а их участниками стали представители профильных ведомств.

На организационном уровне к 2012 – началу 2013 года это позволило вести срочное, сложно структурированное планирование. Оно выражалось в следующем. В 2012 году стороны чётко разграничили действующие и перспективные сферы сотрудничества. Первые сохранялись на протяжении многих лет, формы участия сторон и координация их действий были отработаны. К ним относились проблемы права, помощь развитию, миротворчество, содействие постконфликтному развитию, противодействие преступности и инфекционным заболеваниям, борьба с наркотрафиком. Перспективными сферами сотрудничества были обозначены полярные моря, космос и киберпространство. При этом стороны воспринимали эти сферы новыми, свободными от правового регулирования, что позволяло им создавать новый свод правил поведения [22].

К концу 2013 года столь сложный и разветвлённый механизм позволил достичь следующих результатов. Во-первых, стороны достигли общего понимания норм поведения в интернете, вследствие чего создали рабочую группу для совместного развития кибернетической обороны. Во-вторых, было подписано соглашение об обмене спутниковыми данными, в особенности касающихся положения на море. В-третьих, по линии спецслужб была создана группа с целью повысить координацию по обмену информацией [14].

Происшедшие изменения в военно-политических отношениях США и Японии указывали, что ключевым фактором их модернизации стала расширенная повестка. В ней выделялась центральная группа проблем, в соответствии с ними создавались межведомственные и межправительственные группы, которые способствовали не только координации взаимодействия между двумя странами, но и созданию общих для них юридических норм.

Поскольку ведущей организационной формой военно-политических взаимодействий США на Тихом океане были «треугольники», а Япония была важнейшим американским союзником в регионе, то модернизация взаимодействий в АТР могла основываться только на совпадении интересов всех трёх участников, вовлечённых в неформальное объединение.

К концу 2000-х годов Япония входила в четыре тихоокеанских «треугольника» США. В случае с Австралией на первое место вышли общие региональные и глобальные проблемы безопасности [2], в случае с Филиппинами – проблемы спорных акваторий Южно-Китайского моря (ЮКМ) [13]. В случае сотрудничества с Индией сначала ставка была сделана на развитие совместных военных технологий и производство вооружения [18], а в 2015 году повестку расширили за счёт проблем морского права, свободы морей, мирного разрешения споров с акцентом на ЮКМ [7]. В случае с Республикой Корея США стремились адаптировать свой опыт на японском направлении. Так, в 2012 году повестка американо-южнокорейского союза расширилась за счёт космической и кибернетической безопасности [12], впоследствии последней было уделено ключевое внимание. Стороны

согласовали правила поведения в киберпространстве, которые можно обозначить как три кибернетических «не»: не поддерживать действия по уничтожению международной киберинфраструктуры, не допускать хакерской активности, не мешая отвечать на иностранные хакерские атаки, не воровать закрытую информацию [19]. Совпадение кибернетической части повестки американо-японского и американо-южнокорейского альянсов указывало, что она превратилась в ключевую сферу трёхстороннего сотрудничества США, РК и Японии.

По аналогии с этим опытом Вашингтон предпринял усилия по восстановлению военного взаимодействия с Канберрой и Веллингтоном, которое было теперь локализовано в вопросах материально-технического обеспечения и проведения совместных учений [6].

В рамках военно-политического курса Б. Обама стремился построить сравнительно редкую, с ограниченным числом стран-узлов сеть связей, которая в то же время обладала высокой адаптивностью. Ключевым инструментом и фактором, стимулировавшим развитие отношений, была расширительная двусторонняя повестка, которая позволяла построить сеть «треугольников» на принципе частичного совпадения интересов. Именно такой тип сети в период президентства Б. Обамы оказался наиболее жизнеспособным в контексте американских интересов и региональной обстановки, а её модель в 2020-х годах получила логическое развитие.

Дж. БАЙДЕН И ЭВОЛЮЦИЯ ТИХООКЕАНСКИХ СЕТЕЙ

С приходом Дж. Байдена в Белый дом начался новый период построения сетевой архитектуры региона. Создание АУКУС в составе США, Австралии и Соединённого Королевства, знаменовало собой новый подход к построению региональных сетей. Во-первых, этот тихоокеанский формат стал первым, в котором принял участие внерегиональный союзник Вашингтона. Во-вторых, это было первое объединение, чья повестка чётко делилась на две дорожки. Первая касалась подводных лодок, а вторая сотрудничества в киберпространстве, развития искусственного интеллекта, квантовых технологий и подводных аппаратов [8]. Если сопоставить повестку второй дорожки и сферы сотрудничества в других «треугольниках», то нельзя не отметить её совпадение с союзом «США – Япония – Республика Корея». Таким образом, общая повестка стала связующим звеном для США, демонстрируя их ведущую роль на Тихом океане.

Впоследствии, в 2022 году, этот опыт был распространён на иные объединения. Так, повестку «четвёрки» модернизировали за счёт координации в области обмена спутниковой информацией и трансфера кибернетических технологий. Поскольку сопоставимые аспекты являются ключевыми для американо-японского альянса, данные усилия направлены на функциональное укрепление американо-японских «треугольников» с участием Австралии и Индии, а также на связывание «четвёрки» с АУКУС и американо-японо-южнокорейским альянсом.

Как представляется, конструкция АУКУС стала опорной моделью для дальнейшего расширения сетевой модели региона. С одной стороны, новый

«треугольник» подтвердил тенденцию к секьюритизации самых разных сфер взаимодействия, а с другой стороны, перед Соединёнными Штатами стояла задача реорганизации экономического сотрудничества с другими странами региона.

Первым форматом, который был связан с экономикой, стала Индо-Тихоокеанская экономическая основа (ИТЭО), ключевыми аспектами которой обозначены интенсификация торговли, развитие цифровой экономики как феномена, связывающего участников в единую сеть, укрепление производственно-сбытовых цепочек, вложения в инфраструктуру. С учётом того, что из перечисленных аспектов повестки ключевыми инструментами, которые формируют сетевые связи, выступают торговые отношения и цифровая экономика, США стремятся достичь следующего положения. С одной стороны, они способны выступить для каждого члена объединения ведущим (или одним из ведущих) торгово-экономическим и производственным партнёром, с другой – Соединённые Штаты, продвигая цифровую повестку, рассчитывают, что основными поставщиками решений и продуктов в области кибербезопасности могут стать они или их военно-политические союзники, отношения между которыми контролирует Вашингтон посредством многосторонней повестки [8].

Вторым форматом, с помощью которого США стремятся выстроить новую сетевую архитектуру, является «Чип-4» (*Chip 4*), который объединяет США, Республику Корея, Японию и Тайвань, ведущих производителей полупроводников. Он нацелен на то, чтобы обеспечить бесперебойное снабжение американских производителей микроэлектроникой [24]. Перевод этой инициативы в практическую плоскость позволит Вашингтону контролировать не только взаимодействие «микроэлектронной четвёрки» с внешним миром, но и задавать с помощью повестки вектор развития отрасли. Это приведёт к тому, что участники производств будут внедрять согласующиеся решения.

Третий формат, Партнёрство минеральной безопасности (ПМБ) прямо к тихоокеанскому пространству не относится и включает в себя американских союзников, которые расположены в разных регионах мира. Однако оно предполагает внедрение выгодных США норм и стандартов в области добычи и переработки первичного и вторичного сырья и должно обеспечить стабильность международных поставок металлов, применяемых в наиболее технологичных отраслях промышленности [16].

Если сопоставить три новых многосторонних инициативы США с ролью и значением, которые имел АУКУС для уже существовавшей сети взаимодействий, то можно констатировать следующее. Ключевой проблемой повестки, которая объединяет их, является развитие кибернетического пространства, которое мыслится совокупностью четырёх проблем: поставки сырья, производство и внедрение наиболее передового оборудования, развитие электронных сервисов, упрощающих взаимодействие между участниками отношений, обеспечение кибербезопасности. Как следствие США, внедрив различные элементы кибернетической повестки в разные форматы, сделали эту сферу ключевой для построения сетей на тихоокеанском пространстве, вовлекая в процесс большое количество стран. В то же время Дж. Байден учёл недостатки сетевой стратегии Б. Обамы. Во-

первых, он отказался от построения плотной всеобъемлющей сети, в которую в равной степени вовлечены все участники инициативы или построения локальной ситуативной сети взаимодействия. Наоборот он сделал ставку на запуск нескольких инициатив, объединённых общей проблематикой, но чья повестка имеет отличия и разную функциональную (военную, технологическую, экономическую) окраску. Во-вторых, при Дж. Байдене США превратились в центр, который с помощью вопросов сотрудничества объединял различные форматы и инициативы, а не отдельные государства. В-третьих, это позволило выстроить неформализованную иерархию как среди стран-союзниц и партнёров, так и среди их объединений. В-четвёртых, при 46-м президенте Тихоокеанский регион независимо от того, какой аббревиатурой он обозначается в американских стратегиях, стал пониматься открытым, а значит в процессы, которые США инициатируют для него, вовлекаются внерегиональные участники.

В то же время такая архитектура не была лишена уязвимого места. Несмотря на то что повестки разных форматов совпадали и дополняли друг друга, единственной скрепой новой сетевой архитектуры оставались сами Соединённые Штаты, в то время как одно государство не могло эффективно «держат» всю совокупность многосторонних контактов. В этой связи к осени 2024 года в Вашингтоне сложилось понимание, что скрепа региональной сети сама должна быть сетью, хотя и иметь меньший масштаб, и также касаться максимально возможного числа проблем. Эта роль была отведена формату «четвёрки», которая стала охватывать сравнительно обширную, прежде всего гражданскую, повестку, характерную для других многосторонних и двусторонних форматов. Кроме того, как свидетельствуют результаты саммита «четвёрки», на перспективу он рассматривается Вашингтоном как агрегатор национальных и многосторонних партнёрств с малыми странами индо-тихоокеанского пространства [4]. Вследствие этого «четвёрка» превратилась в формат, объединяющий другие форматы. США стали связывать воедино не только отдельные форматы, но и страны, входящие в ядерное объединение. В результате региональная архитектура превратилась в сеть с тремя уровнями: ядром («четвёрка»), полупериферия, в которую входят иные форматы с участием США, чья повестка совпадает или дополняет повестку «четвёрки», периферией в виде партнёрств с другими государствами индо-тихоокеанского пространства.

Поскольку основу для реализации этого курса Дж. Байден заложил за 2–4 месяца до сложения с себя президентских полномочий, её можно считать рамками индо-тихоокеанской политики, установленными для следующего президента.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, американские усилия по построению сетевого региона на Тихом океане прошли следующую эволюцию. На первом этапе до 2008 года США встраивались в регион с учётом существующих независимо от их позиции условий, апробировали различные варианты взаимодействий, устанавливали для себя опорные элементы для дальнейшей стратегии. В 2009–2016 годах, когда

президентом был Б. Обама, эти усилия приобрели вид натурального эксперимента: Вашингтон на практике реализовывал ранее обозначенные стратегии в ряде подсистем. Это позволило выбрать и масштабировать успешные стратегии и отказаться от тех, где достижение поставленных целей было затруднено. Период 2017–2020 годов ознаменовался отказом от наименее эффективных сетевых стратегий. С 2021 года США масштабируют и модернизируют свой успешный опыт по построению сетей на Тихом океане. Он заключается в том, что инструментом, обеспечивающим связанность участников, выступает широкая, адаптивная к каждому случаю повестка, которая настраивает отношения не только между странами, но и американскими объединениями, что превратило Соединённые Штаты в центральный узел региональной сетевой архитектуры. Конец 2024 – начало 2025 года предварительно можно оценить началом следующего этапа создания сетевого региона, в котором сеть обладает собственной иерархией, где ядерная сеть охватывает максимально возможное количество проблем, полупериферийные сети касаются некоторой их совокупности, а периферийные «сети» концентрируют внимание на отдельных вопросах.

Последнее означает, что Вашингтон не отказался от построения общерегиональной сети взаимодействия, основанной на выгодных для него правилах, но сделал ставку на разреженные связи, для которых не предложено универсальных писанных цементирующих механизмов, но которые объединены одной общей обширной проблематикой таким образом, что она ставит США в центр всех процессов, протекающих в данной совокупности сетей.

ИСТОЧНИКИ

1. Brunei Darussalam – United States Labour Consistency Plan. 4 February 2016. Available at: <https://ustr.gov/sites/default/files/TPP-Final-Text-Labour-US-BN-Labour-Consistency-Plan.pdf> (accessed: 01.06.2016).
2. Deputy Secretary Steinberg's Participation in the Trilateral Strategic Dialogue. June 13, 2011. Available at: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/06/166054.htm> (accessed: 14.09.2016).
3. Fact Sheet. How the Trans-Pacific Partnership (TPP) Boosts Made in America Exports, Supports Higher-Paying American Jobs, and Protects American Workers. October 05, 2015. Available at: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/10/05/fact-sheet-how-trans-pacific-partnership-tpp-boosts-made-america-exports> (accessed: 04.11.2016).
4. Fact Sheet: 2024 Quad Leaders' Summit. September 21, 2024. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2024/09/21/fact-sheet-2024-quad-leaders-summit> (accessed: 30.09.2024).
5. Fergusson, I.F., Vaughn, B. The Trans-Pacific Partnership Agreement. CRS Report for Congress. June 25, 2010. Available at: <http://www.crs.gov> (accessed: 17.05.2012).
6. IISS Shangri-La Dialogue. As Delivered by Secretary of Defense Chuck Hagel. May 31, 2014. Available at: <http://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1857> (accessed: 03.12.2016).
7. Inaugural U.S. – India – Japan Trilateral Ministerial. Media Note. September 29, 2015. Available at: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2015/09/247483.htm> (accessed: 24.09.2016).

8. Indo-Pacific Strategy of the United States. February 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed 06.04.2022).

9. Japan to US Letter on Motor Vehicle Distribution Survey. Available at: <https://ustr.gov/sites/default/files/TPP-Final-Text-JP-to-US-Letter-on-Motor-Vehicle-Distribution-Survey.pdf> (accessed: 01.06.2016).

10. Japan. Appendix B-1. Agricultural Safeguard Measures. Available at: <https://ustr.gov/sites/default/files/TPP-Final-Text-Japan-Appendix-B-1-Agricultural-Safeguard-Measures.pdf> (accessed: 01.06.2016).

11. Japan. Appendix B-2. Forest Good Safeguard Measures. Available at: <https://ustr.gov/sites/default/files/TPP-Final-Text-Japan-Appendix-B-2-Forest-Good-%20Safeguard-Measure.pdf> (accessed: 01.06.2016).

12. Joint Statement of the 2012 United States – Republic of Korea Foreign and Defense Ministers' Meeting. June 14, 2012. Available at: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/06/192333.htm> (accessed: 26.09.2016).

13. Joint Statement of the Security Consultative Committee: A Stronger Alliance for a Dynamic Security Environment the New Guidelines for U.S.-Japan Defense Cooperation. April 27, 2015. Available at: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2015/04/241125.htm> (accessed: 24.09.2016).

14. Joint Statement of the Security Consultative Committee: Toward a More Robust Alliance and Greater Shared Responsibilities. October 3, 2013. Available at: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/10/215070.htm> (accessed: 23.09.2016).

15. Market Access in Non-Goods Sectors. Available at: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_Maket-Access-Service-Investment.pdf (accessed: 24.10.2015).

16. Minerals Security Partnership. Available at: <https://www.state.gov/minerals-security-partnership/> (accessed: 23.03.2024).

17. Remarks at the Japanese Ministry of Foreign Affairs by Kurt M. Campbell Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Asia Pacific, Assistant Secretary of Defense Wallace Gregson. February 2, 2010. Available at: <http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2010/02/136412.htm> (accessed: 12.09.2016).

18. Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, With Secretary of Defense Robert Gates; Japanese Foreign Minister Takeaki Matsumoto; and Japanese Defense Minister Toshimi Kitazawa After Their Meeting. June 21, 2011. Available at: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/06/166644.htm> (accessed: 14.09.2016).

19. Remarks by John Kerry, Secretary of State. An Open and Secure Internet: We Must Have Both. May 18, 2015. Available at: <http://www.state.gov/secretary/remarks/2015/05/242553.htm> (accessed: 28.09.2016).

20. The Trans-Pacific Partnership Negotiations and Issues for Congress. CRS Report for Congress. August 21, 2013 / Coordinator Fergusson I.F. Available at: <http://fpc.state.gov/documents/organization/213981.pdf> (accessed: 05.09.2014).

21. Trans-Pacific Partnership. Round 2. San-Francisco. June, 2010. Available at: <http://www.ustr.gov/tpp> (accessed: 20.05.2012).

22. United States – Japan Joint Statement: A Shared Vision for the Future. April 30, 2012. Available at: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2012/04/30/united-states-japan-jointstatement-shared-vision-future> (accessed: 05.11.2016).

23. Vietnam – United States Plan for the Enhancement of Trade and Labour Relations. 4 February 2016. Available at: <https://ustr.gov/sites/default/files/TPP-Final-Text-Labour-US-VN-Plan-for-Enhancement-of-Trade-and-Labour-Relations.pdf> (accessed: 01.06.2016).

24. What is the Chip 4 alliance. September 12, 2022. Available at: <https://www.chipfour.com/what/-is-the-chip-4-alliance/> (accessed: 23.03.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богатуров А.Д. 1997. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй Мировой войны (1945–1995). М.: Конверт – МОНФ. 352 с.

Бреславец А.А. 2007. Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество: Открытый регионализм – новый вызов системе международных отношений. Владивосток: Изд-во ВГУЭС. 184 с.

Геловани В.А., Бритков В.Б., Дубовский С.В. 2009. СССР и Россия в глобальной системе (1985–2030): Результаты глобального моделирования. М.: Либроком. 320 с.

Дубинин Ю.А. СЕАТО – феномен военно-политического союза на периферии холодной войны. *Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений*. Отв. Ред. Н.И. Егорова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. 464 с. С. 127–156.

Конкуренция между США и КНР: возможности для России. Под ред. Д.А. Дегтерева. М.: Аспект Пресс, 2024. 300 с.

Людтке А. 2010. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН. 271 с.

Никитин А.И. 1987. Эволюция американского глобализма. Идеальная борьба в США по вопросу о роли Америки в мире. М.: Наука. 134 с.

Основы теории международных отношений: Опыт ИМЭМО в 1970-е годы / под ред. Н.Н. Иноземцева. М.: Аспект Пресс, 2022. 623 с.

REFERENCES

Bogaturov, A.D. 1997. Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriia i Teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle Vtoroi Mirovoi Voiny (1945–1995) [The Great Powers at the Pacific Ocean. History and Theory of International Relations in East Asia after the Second World War (1945–1995)]. Moscow, Konvert – MONF. 352 p. (In Russ.).

Breslavets, A.A. 2007. Aziatsko-Tikhookeanskoe ekonomicheskoe sotrudnichestvo: Otkrytyi regionalizm – novyi vyzov sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii [Asia-Pacific Economic Cooperation: An open regionalism – a new challenge to international relations system]. Vladivostok: VGUES Publ. 184 p. (In Russ.).

Dubinin, Yu.A. 2012. SEATO – fenomen voenno-politicheskogo soiuza na periferii khodnoi voiny [SEATO – military-political alliance phenomenon at the cold war periphery]. In *Mnogostoronnyaya diplomatoya b bipolyarnoi sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii* [Multilateral Diplomacy in bipolar system of international relations], Ed. by N.I. Egorova. Moscow, Russian fund for Education and science. 464 p. pp. 127–156. (In Russ.).

Gelovani, V.A. Britkov, V.B. Dubovsky, S.V. 2009. SSSR i Rossiia v globalnoi sisteme (1985–2030): Rezultaty Globalnogo Modelirovaniia [USSR and Russia in global system (1985–2030): Global modeling results]. Moscow, Librokom. 320 p. (In Russ.).

Hameiri, Sh., Jayasuriya, K. 2011. Regulatory Regionalism and Dynamics of Territorial Politics: The Case of Asia-Pacific Region. *Political Studies*. Vol. 59. No. 11. pp. 20–37.

Konkurentsii mezhdru SShA i KNR: vozmozhnosti dlia Rossii [Competition between USA and PRC: opportunities for Russia], Ed. by D.A. Degterev. Moscow, Aspekt Press, 2024. 300 p. (In Russ.).

Ludtke A. 2010. Istoriia povsednevnosti v Germanii: Novye podkhody k izucheniiu truda, voiny i vlasti [History of everyday life in Germany: New approaches to labor, war and power studies]. Moscow, ROSSPEN Publ. 271 p. (In Russ.).

Nikitin A.I. 1987. Evolyutsiia amerikanskogo globalizma. Ideinaia bor'ba v SShA po voprosu o roli Ameriki v mire [Evolution of American globalism. U.S. ideological struggle on the issue of American role in the world]. Moscow, Nauka publ. 134 p. (In Russ.).

Osnovy teorii mezhdunarodnykh otnoshenii: Opyt IMEMO v 1970-e gody [Frames of Theory of International Relations. IMEMO Experience in 1970-ths], Ed. by N.I. Inozemtsev. Moscow, Aspekt Press, 2022. 623 p. (In Russ.).

Sakaki, A., Nishino, Ju. 2018. Japan's South Korea predicament. *International Affairs*. Vol. 94. No. 4. pp. 735–754.

Satake, T., Hemmings, J. 2018. Japan – Australia security Cooperation in the bilateral and multilateral contexts. *International Affairs*. Vol. 94. No. 4. pp. 815–834.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БОЛДЫРЕВ Виталий Евгеньевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук.

Российская Федерация, 690001 Владивосток, ул. Пушкинская, д. 89.

Vitalii E. BOLDYREV, Candidate of Sciences (History), senior researcher, Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnology Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences.

89 Pushkinskaya str., Vladivostok 690001, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 02.12.2024 / Received 02.12.2024.

Поступила после рецензирования 18.12.2024 / Revised 18.12.2024.

Статья принята к публикации 20.12.2024 / Accepted 20.12.2024.